

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Вереин Л.Е.* Борьба за установление Советской власти в Астрахани. Астрахань: Издательство газеты «Волга», 1957. С.7.
2. Текущие настроения // Волжанин. 1906. № 24. 4 нояб. С.3.
3. Подъем среди местных мусульман // Прикаспийская газета. 1906. 1 янв. № 1. С.2.
4. ГААО. Ф.1. Оп.2. Ед. хр. 686. Л.10.
5. ГААО. Ф.1. Оп.2. Ед. хр. 882. Л.4.
6. *Курмансеитова А.Х.* У истоков ногайской книги. Черкесск, 2009. С.145.
7. ГААО. Ф.1. Оп.2. Ед. хр. 655. Л.3.
8. ГААО. Ф.1. Оп.2. Ед. хр. 739. Л.1.
9. ГААО. Ф.1. Оп.2. Ед. хр. 881. Л.5.
10. ГААО. Ф.1. Оп.2. Ед. хр. 1701. Л.5.
11. ГААО Ф.286. Оп.2. Ед. хр. 297. Л.361.
12. Там же.
13. ГААО. Ф.1. Оп.2. Ед. хр. 686. Л.7
14. ГААО. Ф.1. Оп.2. Ед. хр. 756. Л.1.
15. ГААО. Ф.1. Оп.3. Ед. хр. 22. Л.4.
16. ГААО. Ф.1. Оп.2. Ед. хр. 756. Л.2.
17. ГААО. Ф.1. Оп.2. Ед. хр. 756. Л.3.
18. ГААО. Ф.1. Оп.2. Ед. хр. 756. Л.5.
19. ГААО. Ф.1. Оп.2. Ед. хр. 756. Л.6.
20. ГААО. Ф.1. Оп.2. Ед. хр. 759. Л.8.
21. *Кугрышева Э.В.* История армян в Астрахани. Астрахань: ГП АО «Издательско-полиграфический комплекс «Волга». 2007. С.178.
22. ГААО. Ф.1. Оп.2. Ед. хр. 1084. Л.5.

ИЗМЕНЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ГАЗЕТ В УСЛОВИЯХ УСИЛЕНИЯ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ В 1930-е гг. (на примере прессы Хакасии и Горного Алтая)

Ю.Б. Костякова,

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (г. Абакан), доцент
E-mail: uka29@yandex.ru

Аннотация: в статье исследована специфика содержания газет Хакасии и Горного Алтая в 1930-е гг. Выявлена степень влияния политического фактора на трансформацию контента областной печати, взаимосвязь таких изменений с основными событиями и политическими тенденциями, имевшими место в СССР. Проведен анализ форм и методов партийного и цензурного контроля за содержанием прессы автономных областей.

Ключевые слова: тоталитаризм, репрессии, история прессы Хакасии и Горного Алтая.

Summary: the article studies the content specifics of newspapers in Khakassia and the Altai Mountains in the 1930's. It brings out the degree of influence of political factors on the transformation of the regional press content, the relationship of such changes to the main events and political trends, which took place in the USSR. It analyses the forms and methods of party control and censorship over the content of the press in autonomous regions.

Keywords: totalitarianism, repression, history of the press in Khakassia and the Altai Mountains.

Средства массовой информации обладают уникальной способностью транслировать информацию не только в пространстве, но и во времени. Их фронтальный анализ позволяет выявлять не только то, *что* было сообщено аудитории в конкретный исторический момент или промежуток времени, но и *как* это было сделано. Изучение содержания газет в хронологической последовательности дает представление о том, как менялись приемы и методы отражения действительности в СМИ под влиянием различных факторов, и, прежде всего, – политического.

Первые периодические издания в Горном Алтае (до 1948 г. – Ойротии) и Хакасии – двух национальных территорий Южной Сибири, в силу ряда политических, экономических и других причин стали выходить в разное время. К началу 1930-х гг. горноалтайская пресса была представлена двумя областными газетами – «Красная Ойротия» (выходила с 1922 г.) и «Кызыл Ойрот» (издавалась с 1925 г.), уже имевшими определенный опыт и собственную аудиторию. Печать Хакасии в указанный период переживала этап становления. Национальная газета «Хызыл аал», выпускавшаяся с 1927 г. как приложение к изданию соседнего с Хакасией Минусинского округа «Власть труда», и созданная в конце 1930 г. русскоязычная «Советская Хакасия» испытывали серьезные трудности в решении кадровых, технических и других вопросов.

Сравнительный анализ «Красной Ойротии» и «Советской Хакасии» показал, что в самом начале 1930-х гг. качество их оформления и содержания различалось. Это было вызвано в первую очередь техническими причинами, поскольку областная русскоязычная газета Горного Алтая уже имела солидный опыт и собственную типографию, а аналогичное издание Хакасии только приступало к созданию собственного «лица» и печаталось за пределами автономной области – в г. Минусинске. Поэтому в 1930-1931 гг. оно представляло собой две или четыре неиллюстрированные полосы, заполненные в хаотичном порядке преимущественно директивными материалами. Содержание «Красной Ойротии» было более разнообразным. Так, например, оба издания боролись за коренизацию партийного и советского аппарата и агитировали за внедрение в делопроизводство национального языка. Но издание Горного Алтая вносило более существенную лепту в проведение данной кампании. Например, на своих страницах оно организовало регулярную рубрику «Изучай алтайский язык» для заочного обучения читателей особенностям лексики, грамматики и принципам конструиро-

вания предложений. «Советская Хакасия» ограничивалась директивными статьями, призывами и короткими заметками под лозунговыми заголовками.

Сходство двух газет прослеживается в сроках и основных тенденциях трансформации их содержания, происходившей в начале 1930-х гг. под влиянием политического фактора. Необходимость всемерной мобилизации населения на решение «первоочередных народно-хозяйственных задач» и проведение массовых политических кампаний определила жанровые и тематические особенности материалов областных изданий Хакасии и Ойротии. С их страниц были убраны рубрики с сообщениями о событиях в Сибири, стране и мире, а информирование читателей было заменено агитацией. Максимальное сокращение сведений о жизни за пределами области сужало представления читателей о действительности до масштабов собственного города, района, села. В таких условиях аудитория подвергалась массивному пропагандистскому воздействию, основной задачей которого было направить энергию масс в заданное властью русло.

Для публикаций этого периода были характерны лозунговость, директивный стиль, категоричность оценок, агрессивность призывов, использование однотипных заголовков. Заголовочный комплекс и сами публикации создавались с использованием стандартного и ограниченного набора лексических средств, который, на наш взгляд, больше воздействовал на эмоциональное, а не рациональное восприятие. Но его необдуманное применение иногда не позволяло даже понять смысл написанного. Газета «Правда» в обзоре материалов «Красной Ойротии» такую форму подачи фактов назвала «крикливой» и декларативной. Центральный орган ЦК ВКП(б) также отметил нелогичность критики, чрезмерное увлечение «сигналами», абстрактное обозначение врагов (бюрократы, оппортунисты, кулаки), констатацию «позорного отставания» преимущественно по сводкам [1]. Признавая справедливость замечаний, редакция «Красной Ойротии» обязалась исправить допущенные ошибки, приступить «к организации боевой большевистской агитации» [2]. Действительно, критика со стороны «Правды» привела к некоторому улучшению горноалтайской газеты: к снижению агрессивности стиля, появлению заметок о передовиках, иллюстрированных портретами героев. Но в целом ее содержание осталось прежним.

К 1932-1933 гг. сформировался единый стиль оформления и содержания «Советской Хакасии», «Красной Ойротии», «Хызыл аал» и «Кызыл Ойрот». Его отличал лаконизм информационных заметок, обилие официальных документов и перепечаток, отсутствие аналитики и художественно-публицистических жанров. Многие материалы, подготовленные специалистами, отличались шаблонностью стиля и формы: советы врача (агронома, ветеринара), отчет партийного или советского работника. В передовых статьях, программных документах партии обозначалась цель и установки на ее реализацию. В отчетах, сводках и докладах сообщалось о выполнении поставленных задач. Заметки с мест по большей части имели форму рапортов и обязательств или содержали «разоблачения» преступных действий руководителей организаций, приведших к «самотеку», «обезличке», «оппортунистическому» отставанию, невыполнению плана. Газеты регулярно сообщали о результатах расследования

таких материалов и принятых мерах. Заметки внештатных авторов строились по одной схеме: краткое описание ситуации с 1-2 примерами, «политическая» оценка действий виновных и указания кому и что нужно сделать для устранения проблемы. Сравнение опубликованных материалов с оригиналами писем 1931-1933 гг., сохранившихся в архиве республиканской газеты «Звезда Алтая» [3], позволило констатировать, что исходный вариант материалов начинающих авторов подвергался существенной переделке. Более опытные рабселькоры самостоятельно использовали подобную схему.

Основная трудность в организации информирования читателей коренной национальности о жизни в области, стране и за рубежом заключалась в переводе текстов на родной язык. Наличие у хакасского и алтайского народов различных наречий существенно тормозило выработку общепринятой терминологии и основ литературного языка. Вся политическая лексика носила заимствованный характер, что затрудняло ее восприятие носителями языка. Перевод национальной письменности в 1929 г. с кириллицы на латиницу, а в 1938 г. – обратно на кириллицу создал для сотрудников газет большие трудности при переводе статей, особенно политического содержания, поскольку нужно было вырабатывать новую транскрипцию слов, уже введенных или вводимых в оборот.

Примером для газет Хакасии и Ойротии, как и для других местных изданий страны, в 1930-е гг. служила «Правда». По ее образу и подобию создавалась верстка номеров, определялась рубрикация, заголовочный комплекс, основные тематические направления, характер, тон, приемы освещения событий и явлений. Особенностью заголовков того времени было широкое использование популярной политической терминологии. Сравнение местной и центральной прессы позволило сделать вывод о том, что областные и районные издания автономий часто брали готовые образцы из «Правды» и других центральных и краевых газет, меняя только фамилии, названия населенных пунктов, передовых или отстающих хозяйств. Широкое распространение практики калькирования было вызвано несколькими причинами, среди которых основной назовем необходимость «постановки важнейших политических вопросов», то есть немедленного реагирования на самые последние тенденции массово-политической работы. В этом случае новые заголовки были не веянием моды, а четко обозначали, что газета быстро откликнулась на политические изменения, идет в авангарде очередной кампании и выполняет свою роль массового пропагандиста, агитатора и организатора.

Из «Правды» перепечатывались передовые статьи (с обязательной ссылкой на первоисточник) и материалы партийного характера (часто без ссылки). Остальной объем союзной и международной информации, важных партийных документов и иллюстраций поступал по каналам ТАСС. Такой способ централизованного информационного снабжения гарантировал проведение единой информационной политики в центре и на местах и, следовательно, отсутствие расхождений в поступающих аудитории сведениях, под влиянием которых формировались представления граждан о действительности. Контроль над соответствием таких текстов исходным, а также над содержанием местных материалов осуществляли цензурные органы. Каждый номер визировался штампом: «Вы-

пуск в свет разрешается. Полномоченный облита такой-то». Цензоры несли персональную ответственность за «непредупрежденные» ошибки, поэтому большинство опечаток, которые могли быть расценены как политические, выявлялись еще до выпуска газеты в свет.

В первые годы своего существования каждая из рассматриваемых газет изобиловала всевозможными стилистическими, орфографическими, типографскими ошибками, что затрудняло чтение и понимание материалов, снижало внимание к газете аудитории и, следовательно, эффективность политической пропаганды. Поэтому обкомами ВКП(б) уделялось серьезное внимание данному вопросу. Это нашло отражение в ряде партийных документов, анализ которых позволил сделать вывод, что на безграмотность газет влияли в основном низкий уровень образования и недостаточная квалификация редакционных и типографских работников, нехватка кадров журналистов и их высокая загруженность основной работой и общественными поручениями.

По характеру и методам борьбы с различного рода ошибками, допускавшимися в прессе, можно судить о последовательном ужесточении политического контроля над содержанием СМИ. Вплоть до середины в 1930-х гг. за технические ошибки, допущенные по вине как редакции, так и типографии, издания подвергались критике, но виновные несли в основном административную ответственность. Так, в марте 1936 г. по недосмотру корректора в черноморской газете «Шахтер» была допущена грубая ошибка, искажающая смысл материала, что повлекло за собой изъятие всего тиража. В качестве наказания на виновного было наложено материальное взыскание в виде компенсации расходов за конфискованный номер [4].

Но ситуация кардинально изменилась во время суда над участниками «троцкистско-зиновьевского блока», когда стал активно пропагандироваться тезис о том, что основная часть сторонников осужденных контрреволюционеров осталась не выявленной, «окопалась» в различных учреждениях и продолжила свою подрывную деятельность. В сентябре 1936 г. в «Правде» была опубликована статья «Еще раз о враге в газетах», в которой содержалось указание рассматривать любую опечатку как диверсию «врагов», пробравшихся в редакции и типографии и под покровительством «безграмотных и невежественных редакторов» и совершавших «чудовищные выпады против партии» [5].

«Идеологическими искажениями» считались, прежде всего, типографские ошибки в наборе фамилий вождей. О серьезности таких нарушений можно судить по мерам, которые принимались к виновным. Когда в одном из номеров «Хызыл аал» по вине типографии в фамилию И.В. Сталина попала лишняя буква (Старлин), директору типографии объявили выговор, корректора сняли с работы и исключили из комсомола. Редактора газеты С.А. Киштеева, учитывая, что «в своей должности он находится недавно и не имеет опыта в редакторском деле», перевели в замы, а выпускающего газеты Спирина отстранили от работы, его дело передали на расследование [6].

Еще один вид «идеологических искажений» представляли ошибки, которые возникали в результате редактирования и сокращения авторских текстов. Характерным примером может служить заметка Н. Климова, опубликованная в

газете «Советская Хакасия». В материале, рассказывавшем о том, с каким негодованием черноморские шахтеры клеймят «контрреволюционеров из троцкистско-зиновьевского блока», в результате, по-видимому, небрежной редакторской правки было напечатано: «Убить гадов! Жизнь наших вождей – это наша жизнь. Мы должны раздавить этих гадов!» [7].

«Политические искажения» нередко появлялись и в директивных статьях, но в основном по техническим причинам, когда при пересылке материалов ТАСС по телеграфу допускались ошибки и пропуски. Статьи часто перепечатывались в газетах в таком виде без сверки с оригинальным текстом. Так, в Кош-Агаче (Ойротия) недавно назначенный «почти неграмотный» редактор Екинеков, перепечатывая в районной газете «Дяны дёл» доклад Сталина, допустил ряд пропусков, искаживших смысл важного политического документа. В результате обком партии временно прекратил выход газеты [8]. Ошибки иногда возникали в результате невнимательности типографии и выпускающего. Так, в онгудайской газете (Ойротия) вместо «Палата Совета национальностей» было напечатано «палата совет националистов» [9].

Тяжелые последствия влекло за собой допущение «грубейших политических ошибок». Так, в ноябре 1936 г. в рудничной газете «Коммунар» (Хакасия) было выявлено «неверное освещение хода политического процесса над контрреволюционным троцкистско-зиновьевским блоком». Временно исполняющей обязанности редактора Кошелевой сначала объявили строгий выговор с занесением в учетную карточку, потом уволили и поставили вопрос о ее членстве в партии [10]. Обкомом ВКП(б) было принято решение «выпуск газеты на руднике Коммунар до подбора редактора прекратить» [11]. Подобные жесткие меры к тем, кто допускал «искажения», приводили, как мы считаем, к намеренному уменьшению редакциями количества местных материалов и увеличению числа перепечаток из центральной прессы, что позволяло свести к минимуму риск ошибок, особенно «политических». Это в свою очередь приводило к сокращению объема, тематической и жанровой унификации местной информации, поступавшей к аудитории. Сужению каналов информирования читателей способствовала и цензура.

Цензурные организации в своей деятельности руководствовались соответствующими инструкциями, в которых прописывались не только права и обязанности руководителей органов ЛИТО, но и порядок действий в случае различного рода нарушений в печати. Так, например, руководитель районного цензурного подразделения имел право снимать материал с печати, если в нем содержались сведения, включенные в «Перечень вопросов составляющих государственную тайну». Но если в районной или газете политотдела МТС ему попадалось то, что могло быть расценено как политическая ошибка или искажение, то цензор мог только «немедленно обратить внимание редактора газеты или политотдела» на такое нарушение и сигнализировать об этом в свою вышестоящую организацию (ОблЛИТО). Кроме охраны гостайн, цензор осуществлял также «военный и политико-идеологический контроль» [12].

Т.М. Горяева, рассматривая под политической цензурой «систему действий и мероприятий, направленных на обеспечение и обслуживание интересов вла-

сти», отмечает как основной ее признак внеинституциональность, которая «определяет наполнение этого понятия и его границы», более широкие, чем собственно понятие цензуры, «имеющей определенные и традиционно очерченные функции, задачи и государственные органы их реализации» [13]. Это породило явление, которое в научной литературе получило название «всецензура». Она выражалась, в частности, в том, что помимо органов ЛИТО цензурирование СМИ осуществляли и другие организации и их представители. Так, в частности, формой цензуры можно, на наш взгляд, назвать рассмотрение работы редакций на заседаниях бюро партийных организаций. Такая практика служила для осуществления партийного руководства печатью и на деле представляла собой заслушивание отчета редактора, обзор газеты за несколько месяцев, составленного одним из секретарей обкома / райкома или редактором вышестоящего издания, и принятие резолюции.

Сравнение таких обзоров показало, что газеты Хакасии и Горного Алтая критиковались за одни и те же недостатки. Изданиям указывали на слабую работу с внештатными авторами, в результате чего газетные страницы оказывались заполненными перепечатками и официальными документами, что заметно снижало интерес читателей к газете. Частым было обвинение в недостатке контроля над действительностью газетных публикаций, в невнимании к письмам и жалобам читателей, отсутствии реакции на «сигналы» с мест. Но чаще всего редакции критиковали за невыполнение очередного партийного постановления, слабую включенность в политическую или сельскохозяйственную кампанию, отсутствие материалов о партийной жизни, недостаточно активную пропаганду социалистического соревнования и передовиков производства, «беззубую» критику и т.д.

Также формой цензурирования являлись обзоры прессы, которые регулярно публиковали издания, подвергая критике газеты, находившиеся ниже их по иерархической лестнице советской системы прессы. Областные газеты обзоре-вали районные, те в свою очередь – многотиражные и стенные газеты. Областные издания регулярно подвергались критике со стороны краевых газет – «Красноярский рабочий» (г. Красноярск) и «Алтайская правда» (г. Барнаул). Главным рецензентом являлась «Правда», предметом критики которой могла стать и республиканская, и многотиражная газета, на чьем примере вскрывались типичные недостатки, и проводилась политическая учеба журналистов.

Изначально проведение обзоров прессы предполагает профессиональный разбор материалов, они служат своеобразной рецензией с рекомендациями, призванными помочь менее опытным коллегам. Но в рассматриваемый период задачей таких обзоров являлось выявление ошибок, в первую очередь, политических, которые допускали местные журналисты. Так, 7 октября 1933 г. «Советская Сибирь» (г. Новосибирск) опубликовала критический обзор газеты «Шахтер» (г. Черногорск, Хакасия). В вину редактору вменили то, что он не увидел причинно-следственной связи между массовыми хищениями на подсобном хозяйстве Черногорского рудника и крайне скудным рационом питания рабочих того же предприятия. В результате Б.А. Ковалевского обвинили в «клевете на решения партии о перестройке рабочего снабжения», в потере бдитель-

ности и в «политической близорукости». Горком партии критику признал справедливой, а «политическую ошибку» редактора – «неумышленным антипартийным выступлением в печати», произошедшим в результате некритического отношения к редактируемому материалу [14].

Содержание городской, районных и многотиражных газет было гораздо беднее, чем у областных, поскольку его основу составляли перепечатки из центральных и областных газет и информация ТАСС. Местные публикации были представлены письмами трудящихся и заметками специалистов сельского хозяйства, занимавшими около четверти площади, отводившейся под местную информацию. Остальное место заполнялось рапортами, резолюциями митингов, обязательствами, сводками, ведомственными статьями, которые односторонне и скупо отражали действительность. Отметим, что особенностью районной прессы являлось то, что вплоть до конца 1930-х гг. многие материалы подписывались псевдонимами. Анализ рецензий и критических обзоров показал, что подобная практика применялась не для того, чтобы оградить авторов от преследований за критику, как это было в 1920-е гг., а для маскировки авторства публикаций, подготовленных сотрудниками редакций, что позволяло создавать видимость продуктивной работы редакции со своим активом. Такие факты неоднократно выявлялись в ходе проверок [15].

Главными проблемами районной прессы, обуславливавшими ее невысокую популярность у аудитории, являлись «беззубость» критики, многочисленные ошибки и «вычурность» стиля. Так, например, в обзоре материалов «Саралинского горняка» (Хакасия) за первую половину 1934 г., рецензент процитировал следующий «шедевр» канцелярского стиля: «При мобилизации коммунистов на выполнение программы должно быть положено в основу глубокое изучение XVII съезда и претворение в жизнь, а не отделяться формальной зубрежкой» [16].

Отдельные низовые издания старались привлечь внимание читателей, в том числе и нестандартными способами. В марте 1934 г. редакция «Саралинского горняка» объявила о созыве в районе «слета лодырей, симулянтов и пьяниц» и в течение двух месяцев в газете публиковала списки «делегатов» с описанием их деяний: опоздание на работу, хулиганство, отлынивание от посещения курсов ликбеза и политзанятий и т.д. И только в мае по прямому распоряжению обкома партии акция была прекращена, инициатива редактора И.А. Гравера расценена как «грубейшее политическое извращение» и «образец политического недомыслия» [17]. Таким образом, местной прессе приходилось решать очень сложную задачу: как разнообразить свое содержание для привлечения и удержания внимания аудитории и при этом не допускать «политических извращений».

Главной особенностью прессы 1930-х гг. являлось, на наш взгляд, то, что основной массив сообщений шел сверху (от власти через СМИ к аудитории), а обратный поток (от аудитории к СМИ и власти) жестко контролировался и регламентировался. В этих условиях удавалось добиваться эффективности идеологического воздействия на аудиторию. В содержании газет 1930-х гг. очень четко просматривалась реализация тезиса И.В. Сталина о том, что по мере продвижения к социализму классовая борьба будет обостряться. Поэтому основ-

ным лейтмотивом содержания любого издания был поиск и разоблачение «врагов», в котором активное участие принимали внештатные авторы. Тон кампании по разоблачению врагов задавали центральные издания: газета «Правда», журнал «Большевик». Но, как считает С.А. Кропачев, «нагнетание массового психоза, истерии, народного негодования, атмосферы всеобщей “бдительности”» перекладывалось на местные газеты. Такое перераспределение обязанностей позволяло проводить самую репрессивную кампанию и ее информационно-пропагандистское сопровождение «даже в самых отдаленных городах и селах» и в то же время «оставляло за центральной властью право спросить за “перегибы” с местных партийных организаций и их боевых органов в случае изменения политического курса» [18].

Анализ содержания областных русскоязычных газет Хакасии и Горного Алтая показал, что до середины 1930-х гг. с «сигналами» о пробравшихся в колхозы и учреждения «вредителях» и «врагах» обращались достаточно осторожно. Материалы, сообщавшие о классово-чуждом происхождении того или иного человека или о вредительской деятельности, публиковались только после обстоятельной проверки, поскольку нередко обвинения носили клеветнический характер, использовались для сведения личных счетов, о чем можно судить по сообщениям редакций о судьбе неопубликованных заметок. Однако в 1937-1938 гг., когда массовые репрессии достигли наибольшего размаха, ограничения на размещение подобных материалов были сняты. Разоблачения публиковались без какой бы то ни было проверки, поскольку журналисты боялись обвинений, в лучшем случае в классовой близорукости, в худшем – в пособничестве классовым врагам.

В начале 1938 г. на страницах газет появились немногочисленные опровержения, реабилитировавшие граждан, в отношении которых опубликованные обвинения не подтвердились. Однако в марте, в связи с проходившим процессом над «бандитами из право-троцкистского блока», поток писем с поддержкой расстрельного приговора и разоблачением местных «троцкистов» усилился. Интересно, что в резолюции митингов и собраний включались и обязательства, которые принимали на себя собравшиеся «в ответ на контрреволюционную деятельность злейших врагов нашей родины». Таким образом, в сознании советских граждан внедрялось представление о жизни в социалистическом государстве как о непрекращающейся борьбе против внешних и внутренних врагов и за выполнение всевозможных обязательств, планов и резолюций.

Отметим, что обилие подобных клишированных «откликов», «сигналов», разоблачений и резолюций собраний не может служить достоверным свидетельством об общих настроениях населения, а также представителей реальной аудитории. Но практически полное отсутствие в прессе материалов в поддержку тех, кто был несправедливо обвинен и впоследствии оправдан, говорит о том, что в обществе во второй половине 1930-х гг. сформировалась атмосфера страха, боязнь высказать свое мнение. В сложившей политической ситуации и под воздействием прессинга публикаций СМИ в аудитории увеличивался удельный вес так называемых «тоталитарных личностей», под которыми мы, вслед за М.В. Егуневой, подразумеваем тех, у кого превалирует конформист-

ская установка сознания, ограниченность заданным бытием, способных воспринимать мир лишь фотографически и утративших связь со своим внутренним миром, с самой собой [19].

«В деятельности прессы конца 1920-1930 гг., – отмечал известный историк российской журналистики Р.П. Овсепян, – было немало трудностей и ошибок. Общая атмосфера приверженности идеологии сталинизма сохраняла доверие масс к журналистике. К ее голосу прислушивались, за ней шли» [20]. Однако неправомерно, на наш взгляд, давать оценку действиям журналистов и редакций с позиций «ошибочности» или «правильности», поскольку это нарушает принцип историзма при рассмотрении событий прошлого. Публикация или неопубликование в прессе тех или иных материалов, освещение или замалчивание тех или иных тем и в целом редакционная политика центральных и местных СМИ проходила в рамках единой государственной медиаполитики и подчинялась тем установкам, которые диктовались руководством коммунистической партии.

В условиях информационной замкнутости советского общества, обусловленной государственной монополией на информацию и каналы ее распространения, СМИ являлись одним из наиболее доступных способов получения социально значимых сведений. Масс-медиа были зеркалом, в котором находила отражение сложная и противоречивая политическая, хозяйственная и культурная жизнь страны. Они были рупором, который оповещал граждан о новых свершениях и кампаниях по борьбе «за» или «против», разъяснял значение и цели отдельных мероприятий и политики партии в целом. Средства массовой информации служили источником разнообразных, но подвергнутых соответствующей идеологической трактовке сведений о жизни в стране и за рубежом, под влиянием которых происходило формирование картины мира советских граждан, их представлений о действительности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Кампания, не доведенная до конца // Правда. 1931. 26 нояб. С.2.
2. Наш ответ «Правде». Ошибки будут исправлены // Красная Ойротия. 1931. 9 дек. С.2.
3. Комитет по делам архивов Республики Алтай (КДА РА). Ф.69. Оп. 1. Д. 1, 2.
4. Национальный архив Республики Хакасия (НА РХ). Ф.2, Оп. 1. Д.403. Л.35.
5. Еще раз о врагах в газетах // Правда. 1936. 2 сент. С.1.
6. НА РХ. Ф.2. Оп. 1. Д.403. Л.79.
7. Климов Н. Жизнь наших вождей – наша жизнь // Советская Хакасия. 1936. 27 авг. С.1.
8. КДА РА. Ф.1. Оп. 1. Д.991. Л. 8-9.
9. Там же. Д.1040. Л.11.
10. Краевое государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Красноярского края». Ф.26. Оп. 1. Д.306. Л.54.
11. НА РХ. Ф.2. Оп. 1. Д.411. Л.37.

12. Там же. Д.367. Л.18а.
13. *Горяева Т.М.* Политическая цензура в СССР. 1917-1991 гг. 2-е изд., испр. М.: РОССПЭН, 2009. С.154.
14. Об обзоре газеты «Советская Сибирь» на газету «Шахтер» // Шахтер. 1933. 23 окт. С.1.
15. См., например: КДА РА. Ф.1. Оп. 1. Д.661. Л.12.
16. НА РХ. Ф.2. Оп. 1. Д.299. Л.36.
17. Там же. Л. 34-35, 39.
18. *Кропачев С.А.* Советская пропаганда 1937-1938 годов о масштабах массовых политических репрессий // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия 1. 2011. № 2. С.78.
19. *Егунева М.В.* Онтологические аспекты тоталитарной личности (опыт философского анализа). Автореф. дис. ... канд. философ. наук. Оренбург, 2010. С.6.
20. *Овсепян Р.П.* Возвращение утраченного. Заметки историка журналистики. М.: ПОЛПРЕД Справочники, 2007. С.18.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ В 1930-е гг.: ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРМСКОЙ ГАЗЕТЫ «ЗВЕЗДА»

Т.Н. Масальцева,

Пермский государственный национальный
исследовательский университет, старший преподаватель
E-mail: alba@mail.ru

Аннотация: в статье рассматриваются особенности литературных текстов и литературно-критических материалов, публиковавшихся в газете «Звезда», имевшей самый большой тираж в Пермской области.

Ключевые слова: российская журналистика 1930-х гг., региональная газета, газетная литературная критика.

Summary: this article analyzed the literary texts and literary critics in the most popularly newspaper of the Perm region “The Star”.

Keywords: Russian journalism in 1930-1939, region’s newspaper, literary critic’s in newspaper.

В истории отечественной газетной литературной критики процессы выработки приемов и способов воздействия на читателя на понятном ему языке постоянно совершенствовались: по мнению В.Н. Коновалова, критики писали с учетом аудитории, адаптируя формы своего языка к уровню читателя и подходя к этому творчески, изобретая новые приемы, в том числе и языковые. Таким образом, газетная литературная критика была полностью включена в общественную жизнь.